

ПРАВО

УДК 342.4

Е.С. Аничкин, Т.И. Ряховская

«КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»: К ВОПРОСУ О КОНКРЕТИЗАЦИИ ТЕРМИНА

Рассматривается проблема понимания термина «конституционная идентичность», обнаруживается его двойственная характеристика, связанная в основном с переводом. Предлагается введение термина «конституционная самобытность», который наиболее точно с точки зрения логики и русского языка соответствует смыслу оборота, закрепленного в тексте Договора о Европейском Союзе. Более того, предпринимается попытка уточнения определения этого понятия.

Ключевые слова: конституционная идентичность; конституционная самобытность; конституция; конституционный контроль; традиция; наднациональное право; конституционное право.

В связи с активизацией деятельности наднациональных судебных органов в отечественной и зарубежной государственно-правовой доктрине все чаще и острее ставится вопрос о категории «конституционной идентичности» государства. Однако единой позиции ученых по поводу единого понимания этой категории, пока, не обнаруживается. Отсутствует и легальное определение понятия, которое встречается в пункте 2 статьи 4 Договора о Европейском Союзе: «Союз соблюдает равенство государств-членов перед Договорами, уважает национальную индивидуальность государств-членов, присущую их основополагающим политическим и конституционным структурам, в том числе в области местного и регионального самоуправления» [1], но при чтении этого положение в оригинале, обнаруживается, что оно содержит не «национальную индивидуальность», а «national identities» [2], что дословно переводится как «национальные идентичности». Возможно, именно последнее ввел в заголовке отечественную государственно-правовую науку, в которой конституционную идентичность принято понимать, как нечто особенное, присущее только конкретному государству. Однако, «identities», взятое отдельно, переводится как сходство, т.е. ни о каком своеобразии здесь и не говорится.

Целью настоящего исследования как раз и является уточнение понятия «конституционная идентичность».

Понятия «индивидуальность» и «идентичность» – антонимы. Первый термин может трактоваться как «характерная, отличительная особенность, своеобразие чего-либо» [3. С. 43]. Идентичность же рассматривается через значение прилагательного «идентичный (совпадающий с кем-либо, чем-либо, тождественный чему-либо, кому-либо): тождественность, совпадение» [Там же]. Похожая мысль встречается и в словаре иностранных слов: «идентичность (лат. *identicus* “соответственный”) – полная тождественность», а «индивидуальность (лат. *individuum* “неделимое”) – совокупность особенностей, отличающих данное явление, предмет или существо от ему подобных» [4. С. 223, 234]. Таким образом, в официальном переводе Договора, по идее, закономерно используется «индивидуальность» ввиду логики того, что, закреплено в оригинальном тексте.

По этому поводу Жульен Стерк уточняет: конституционную идентичность лучше всего понимать как самостоятельность, т.е. как постоянную способность государств – членов Европейского Союза определять себя в рамках развивающегося процесса европейской интеграции [5]. Он же говорит о сложившейся тенденции противопоставления конституционной идентичности как единообразия и конституционной идентичности как самости, приводящей к тому, что национальные суды могут отдавать предпочтение либо базовому определению основных конституционных особенностей, либо подходу, в котором преобладает способность определять себя [6. Р. 281]. Другими словами, по мнению ученого, рассматриваемый термин имеет два значения. Вопрос в том, каково его конкретное понимание со стороны органа внутригосударственного конституционного контроля, который может трактовать «идентичность» и как схожесть, и как самобытность [7. С. 47].

Л.Ф.М. Бесселинк, анализируя постулаты Лиссабонского договора относительно указанного вопроса, пишет, что обозначенный акт здесь ориентирован на «государственные структуры и акцент смещается от национальной идентичности как таковой до конституционной». И «наиболее важное значение это имеет в отношении степени, в которой государства-члены разрешают или запрещают региональное и местное самоуправление» [8. Р. 42–44]. Полагаем, именно это оказывается одной из составляющих конституционной самобытности.

Кстати, Венгерский Конституционный суд в своем решении от 12 июля 2010 г. по проверке Лиссабонского договора указал, что доктрина конституционного суверенитета должна рассматриваться как источник конституционной самобытности страны и именно она служит ограничением принципа приоритета норм ЕС. Аналогичные решения выносились в Польше (24 ноября 2010 г.), где к конституционной самобытности относят положения разделов 1, 2 и 12 Конституции 1997 г. (принципы конституционного строя, права и свободы граждан, поправки к Основному закону), и Чехии (8 марта 2006 г.) [9. Р. 18–19]. Как можно наблюдать, некоторые зарубежные органы конституционного контроля взяли за основу именно идею о неповторимости содержания своих основных

законов, обозначив это термином «конституционная самобытность».

Дайний Жалимас, представитель литовской юриспруденции, характеризуя конституционную идентичность Литвы, предполагает, что она основана на такой фундаментальной конституционной ценности, как уважение к естественным правам человека, государственной независимости и демократии, и должна восприниматься в более широком контексте как неотъемлемая часть западной демократической конституционной идентичности [10. Р. 48]. И в данном случае наблюдается, что категория «конституционная идентичность» употребляется как «тождественность».

Испанский ученый П. Бон, выделил с лингвистической точки зрения в понятии «идентичность» два значения, в которых оно употребляется: 1) синоним специфичности (важная сторона фундаментальных начал, защита которой обеспечивается ссылкой на национальную или конституционную идентичность, является особенной, присущей именно данной стране и не характерной для других стран – членов Европейского Союза (как, например, дело, связанное с отменой дворянских званий в Австрии)); 2) синоним тождества, когда одна вещь является тем же самым, что и другая (в качестве составной части национальной или конституционной идентичности под защитой оказываются институты и ценности, являющиеся по сути общими для государств-членов, как в случае защиты фундаментальных основ конституционного строя, к которым относятся, например, принципы правового государства, демократического государства, защита прав и свобод человека) [7. С. 47].

В России и странах СНГ чаще используется термин «конституционная идентичность» в первом значении, что находит свое отражение в трудах известных ученых, а также в практике Конституционного Суда РФ.

Так, Т.А. Васильева о данной концепции говорит, что этот термин допускает наличие у государств – членов Союза таких конституционных особенностей, которые выделяют их из числа других государств [11. С. 318].

Конституционная идентичность, как пишет С.П. Чигринов, – явление многоаспектное, включающее: 1) политико-правовую природу государства (форма правления, политико-территориальное устройство, политический режим); 2) наличие конституционного ядра, т.е. норм и принципов, обладающих абсолютным характером; 3) обеспечение второго гарантии вечности. Конституционная идентичность является одним из основных факторов, определяющих ценностные доминанты индивидуального конституционного правосознания и конституционной культуры как общесоциального явления [12. С. 36]. В этом определении акцент поставлен на содержании (элементах) понятия, а не на его сущности. Однако, полагаем, указанное может вызывать сомнение.

По первому параметру характеристики государства с точки зрения теории государства и права успешно подразделяются на виды и могут полностью или частично совпадать. Например, конституционно в Туркменистане (ст. 1), Таджикистане (ст. 1) и Ка-

захстане (ч. 1 ст. 2) – присутствует указание на республиканскую форму правления, которая названа «президентской».

По второму параметру видится, что указанная формулировка весьма размыта: предложенное ученым может также содержать постулаты о правах человека, которые ввиду сотрудничества государств и общих международно-правовых актов будут совпадающими. В частности, и в Республике Казахстан (ч. 2 ст. 18 Конституции Казахстана) и в Республике Узбекистан (ст. 36 Основного закона Узбекистана) устанавливается право каждого на тайну личных вкладов и сбережений, помимо традиционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

По третьему параметру, как представляется, не все Конституции мира содержат положения о своей неизменности, что вовсе не означает отсутствие их самобытности. Так, в Узбекистане и в Киргизии отсутствуют указания на неизменность положений Основного закона, делая их более гибкими относительно описанных.

Вместе с тем в современном мире, как говорит В.Д. Зорькин, не может быть одинаковых конституционных идентичностей в разных государствах, впрочем, как и не может быть абсолютно одинаковых конституционных ценностей. При этом в процессе взаимодействия с другими государствами, проходя этап «согласования» своей правовой системы с международными обязательствами, должна сохраняться ее открытость к новым положительным изменениям и устойчивость, не позволяющая размывать национальные конституционные нормы и гарантии прав человека [13. С. 27]. Полагаем, что могут иметь место одинаково написанные нормы, содержащиеся в одной и той же форме, но с разным восприятием субъектами реализации права. И, говоря в данном контексте о рассматриваемом явлении, В.Д. Зорькин на самом деле описывает, чем государства могут отличаться друг от друга, тем самым имея в виду конституционную самобытность, а не схожесть.

Г.А. Гаджиев считает, что доктрина конституционной идентичности в первую очередь предполагает нетекстуальное понимание конституционных изменений, использование достижений современной герменевтики, которая уже давно вышла за пределы толкования исключительно текстов. По его идее, в защите нуждаются только особо защищенные части конституционного текста, составляющие системообразующее ядро национального конституционного порядка, методологию распознавания которых еще предстоит создать [14. С. 32]. Исходя из изложенного, спорным кажется утверждение, что другие положения конституции (рядовые) не нуждаются в особой защите. Кроме того, прежде чем создать методологию распознавания «ядерных традиций», полагаем, следует определиться с терминами и их значениями.

В то же время некоторые авторы, в частности Д.А. Подолян, уточняют, что в Российской Федерации уже сформировалась доктрина конституционной идентичности. По мнению Д.А. Подолян, конституционная идентичность – универсальная интегрирую-

щая категория, отражающая всю правовую организацию идентичной правовой системы государства, его целостную правовую действительность, особенности конституционного строя государства, играющая ключевую роль в системе ценностей [15. С. 98]. Однако спорным является утверждение о сформированности доктрины конституционной идентичности, так как анализ существующих научных трудов по этому вопросу выявляет отсутствие конкретизации данного термина. Здесь же можно наблюдать и переплетение индивидуальности (самобытности) и идентичности (универсальности). По идее, особенное не может быть универсальным.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П [16] можно обнаружить, что используется термин «национальная конституционная идентичность», но впоследствии встречается «конституционная идентичность» – формулировка, которая, по мнению Суда, содержит в первую очередь нормы о фундаментальных правах, нормы об основах конституционного строя. Однако представляется, что это понятие значительно шире и не получило здесь «полного раскрытия» ввиду иной задачи органа конституционной юстиции в рамках вынесения этого Постановления. Более того, в правовой позиции Конституционного Суда оно видится не конкретным: по смыслу напрашивается «конституционная самобытность», а употребляется «конституционная идентичность», причем перечисленное представленным органом может совпадать и с другими государствами и не быть абсолютно уникальным: подобное наблюдается в практике органов конституционного контроля Италии, ФРГ, Франции и др.

В Постановлении от 19.01.2017 № 1-П [17] рассматриваемый термин встречается в следующем контексте: «...от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правовом порядке. Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации», – отсюда напрашивается вывод, что именно в Основном законе закрепляются вопросы, связанные с конкретизацией данного понятия. В то же время представляется, что Суд использует «идентичность» в контексте сходства, которое предопределено для государств, ратифицировавших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод.

Несколько иное значение приобретает «конституционная идентичность» в Постановлении от 06.12.2018 № 44-П [18], и из его смысла следует, что без разрешения связанных с конституционными началами вопросов о территориях субъектов Российской Федерации, включая республики, невозможна полноценная кон-

ституционно-правовая идентичность субъектов Российской Федерации как публично-правовых территориальных образований в федеративном государстве [18]. Опять же «идентичность» может быть воспринята здесь как параметр сходства, следуя которому определяются субъекты России.

Президентом РФ В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г., по нашему мнению, наиболее удачно выбран иной термин, который упоминается в рамках необходимости строить международное общение на основе базовых принципов: равноправия, прагматизма и взаимного уважения, сохранения национальной самобытности и государственного суверенитета всех стран-участниц (что было упомянуто в контексте предстоящей активизации работы Евразийского экономического союза) [19]. Интересно, что использовался именно термин «национальная самобытность». Раскрывая его значение, обнаруживаем, что трактуется он через прилагательное самобытный – «своеобразный, не похожий на других, идущий своими путями. Самостоятельный в своем развитии» [20. С. 618]. И в изложенном случае, полагаем, этот терминологический оборот использовался не только в этнологическом, но и в правовом смысле, т.е. означал конституционную самобытность, которую можно обнаружить не только в конкретных конституционно-правовых нормах, но и в духе Основного закона.

На данный момент в науке конституционного права лишь К.В. Карпенко употребляет термин «конституционная самобытность», переводя положение ранее указанного договора (constitutional identity), который предлагается понимать как уникальность и неповторимость государства по сравнению со всеми прочими [21. С. 272].

Резюмируя изложенные позиции, если следовать логике зарубежных авторов, то конституционная идентичность в основном может восприниматься именно как конституционная самобытность. В отечественной государственно-правовой доктрине это понятие по-прежнему остается предметом дискуссий и неточностей, которые связаны в первую очередь с некорректным переводом положений Лиссабонского договора. Однако, несмотря на то что Россия не является членом Европейского Союза, конкретизация данного оборота и его легальное закрепление позволили бы более плодотворно взаимодействовать в Совете Европы и не иметь сложностей во взаимоотношениях с Европейским Судом по правам человека.

По нашему мнению, Конституция Российской Федерации – форма закрепления некоторых положений конституционной идентичности и самобытности: некоторые нормы соответствуют требованиям общепризнанных принципов и норм международного права, а иные – являются исключительными, особенными, характерными только для отечественного государства.

Для конституционной идентичности характерно рецепирование конституционно-правовых норм, их универсализация. А для самобытности – национальная преемственность, традиция.

Конституционную самобытность было бы не корректно воспринимать лишь как исключительно нормативные постулаты, охраняемые принципом невмешательства во внутренние дела государства. Эта категория отражает не только формально определенные правила-поведения, хотя их и можно было бы в таком случае назвать «конституционным ядром». Это еще и правовая деятельность Конституционного Суда, которая создает динамику конституционно-правовых норм без изменения их формы, тем самым обеспечивая постоянное конституционно-правовое развитие государства, посред-

ством создания динамической стабильности норм Конституции.

Категория конституционной самобытности включает также и национальный интерес, который может быть переменным в зависимости от этапа исторического развития государства и его устремлений, и правовое сознание.

Таким образом, категории «конституционная идентичность» и «самобытность» разнонаправлены и не тождественны друг другу, а следовательно, напрашивается необходимость дальнейшей проработки их признаков и разграничения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.). Консолидированный текст (прекратил действие). URL: <http://base.garant.ru/2566557/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/#ixzz5o2kxt0px> (дата обращения: 16.03.2019).
2. Договор о Европейском Союзе. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (дата обращения: 16.03.2019).
3. Большой академический словарь русского языка. Т. 7: И – КАЮР. М. ; СПб. : Наука, 2007.
4. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М. : ЗАО Центрполиграф, 2006.
5. Sterck J. Expressing Sovereignty in the European Union: An Irish Perspective on Constitutional Identity // UCD Working Papers in Law, Criminology & Socio-Legal Studies Research Paper No. 03061213 (материал размещен: 21 May 2014). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2439204 (дата обращения: 16.03.2019).
6. Sterck J. Sameness and Selfhood: The Efficiency of Constitutional Identities in EU Law // European Law Journal. 2018. Vol. 24, is. 4–5. P. 281–296.
7. Бон П. Национальная или конституционная идентичность – новое юридическое понятие / пер. Г.Н. Андреева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. Реферативный журнал. 2016. № 2. С. 42–47.
8. Besselink L.F.M. National and constitutional identity before and after Lisbon // Utrecht Law Review. 2010. Vol. 6, is. 3. P. 36–49.
9. Golecki M. Judicial dialogue and the new doctrine of constitutional sovereignty in judgments of central European constitutional courts // IX Word congress of constitutional law (Oslo, 16–20.06.2014). Warszawa, 2015. P. 18–19.
10. Dainius Žalimas. The interaction between the constitutional identity of Lithuania and the protection of human rights // Jurisprudencija. 2017. 24 (1). P. 35–49.
11. Васильева Т.А. Верховенство права ЕС и уважение национальной идентичности государств – членов Союза // Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения = Tendencies of development of law in sociocultural space. Zhidkov's readings: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 24–25 марта 2017 г.) / отв. ред. М.В. Немытина. М. : РУДН, 2018. С. 313–318.
12. Чигринов С.П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI веке // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 32–38.
13. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика (доклад на международной конференции в Конституционном суде Российской Федерации (СПб., 16 мая 2017 г.)) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2017. № 12. С. 7–30.
14. Гаджиев Г.А. О судебной доктрине конституционной идентичности // Судья. 2017. № 12. С. 31–34.
15. Подолян Д.А. Формирование доктрины конституционной идентичности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 94–100.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального Закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального Закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание Законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО “Нефтяная компания Юкос” против России» в связи с запросом министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 5. Ст. 866.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2018 № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия “Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой” и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия». URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1104.2019).
19. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 // Российская газета. 2014. № 278.
20. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 15-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1984.
21. Карпенко К.В. Конституционная самобытность как расширение предмета конституционного права // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная-научно-практическая конференция (Куртафинские чтения) : материалы конф. : в 4 ч. М. : Проспект, 2016. Ч. 1. С. 271–277.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 июня 2019 г.

“Constitutional Identity”: On the Specification of the Term

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 196–201.

DOI: 10.17223/15617793/446/25

Evgeniy S. Anichkin, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: rrd231@rambler.ru

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru; ryakhovskaya.ti@gmail.com

Keywords: constitutional identity; constitutional originality; constitution; constitutional control; tradition; supranational law; constitutional law.

The authors analyze the opinions established in the domestic and foreign doctrine on the definition of the concept “constitutional identity”. Scholars still do not have a single opinion on this issue, and there is no legal interpretation of this term. This is due to the inaccuracy of the translation of the Treaty on the European Union, in which it is used for the first time. The urgency of specifying this concept is primarily associated with the intensification of the activities of supranational judicial bodies. Despite the fact that Russia is not a member of the European Union, the specification of the concept would also allow for a more fruitful interaction in the Council of Europe, and when dealing with the European Court of Human Rights. That is why the aim of this study is to clarify the meaning of the term “constitutional identity”. The study is based on theoretical works by foreign (L.F.M. Besselink, D. Žalimas, J. Sterck, P. Bonaire, S.P. Chigrinov) and Russian (T.A. Vasilyeva, G.A. Gadzhiev, V.D. Zorkin, K.V. Karpenko, D.A. Podolyan) authors. The methodological basis of the study was dialectic, formal-logical and formal-legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the term “constitutional identity” in its formation and development. The formal-logical method contributed to distinguishing between the concepts “constitutional identity” and “constitutional originality”. The formal-legal method helped show the ambiguity of the language fixed in the norms. The study revealed that, if we follow the logic of foreign authors, constitutional identity, basically, can be perceived as constitutional originality. In the Russian state legal doctrine, this concept is still the subject of inaccuracies, which are primarily associated with the incorrect translation of the provisions of the Treaty on the European Union. As a result, it is proposed to pay attention to the fact that constitutional identity and originality are different, although they have a common form of consolidation, which is the Constitution of the Russian Federation. Constitutional identity is characterized by the reception of constitutional legal norms, their universalization, while originality is characterized by continuity. The authors assume that the category of constitutional originality includes the national interest, which can vary depending on the stage of the historical development of the state and its aspirations, which allows considering this category as a developing one.

REFERENCES

1. Garant.ru. (2007) *Dogovor o Evropeyskom Soyuze (Maastricht, 7 fevralya 1992 g.) (v red. Lissabonskogo dogovora 2007 g.)*. Konsolidirovannyi tekst (prekratil deystvie) [Treaty on the European Union (Maastricht, February 7, 1992) (as amended by the Lisbon Treaty 2007)]. Consolidated text (terminated). [Online] Available from: <http://base.garant.ru/2566557/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/#ixzz5o2kxt0px>. (Accessed: 16.03.2019).
2. EUR-lex. (2012) *Dogovor o Evropeyskom Soyuze* [Treaty on the European Union]. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT>. (Accessed: 16.03.2019).
3. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2007) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [A large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 7. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
4. Moskvina, A.Yu. (ed.) (2006) *Bol'shoy slovar' inostrannykh slov* [A large dictionary of foreign words]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
5. Sterck, J. (2014) Expressing Sovereignty in the European Union: An Irish Perspective on Constitutional Identity. *UCD Working Papers in Law, Criminology & Socio-Legal Studies*. Research Paper No. 03061213. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2439204. (Accessed: 16.03.2019).
6. Sterck, J. (2018) Sameness and Selfhood: The Efficiency of Constitutional Identities in EU Law. *European Law Journal*. 24 (4–5). pp. 281–296.
7. Bon, P. (2016) Natsional'naya ili konstitutsionnaya identichnost' – novoe yuridicheskoe ponyatie [National or constitutional identity, a new legal concept]. Translated from Spanish by G.N. Andreeva. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4. Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 42–47.
8. Besselink, L.F.M. (2010) National and constitutional identity before and after Lisbon. *Utrecht Law Review*. 6 (3). pp. 36–49.
9. Golecki, M. (2015) Judicial dialogue and the new doctrine of constitutional sovereignty in judgments of central European constitutional courts. *IX Word Congress of Constitutional Law. Contributions by Polish Scholars*. Oslo, 16–20 June 2014. Warszawa: Biuro Trybunału Konstytucyjnego. pp. 18–19.
10. Žalimas, D. (2017) The interaction between the constitutional identity of Lithuania and the protection of human rights. *Jurisprudencija*. 24 (1). pp. 35–49.
11. Vasil'eva, T.A. (2018) [The rule of law of the EU and respect for the national identity of the Member States of the Union]. *Tendencies of development of law in sociocultural space. Zhidkov's Readings*. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 24–25 March 2017. Moscow: RUDN. pp. 313–318. (In Russian).
12. Chigrinov, S.P. (2016) Constitutional identity and constitutional development in XXI century. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 3 (58). pp. 32–38. (In Russian).
13. Zor'kin, V.D. (2017) Konstitutsionnaya identichnost' Rossii: doktrina i praktika (doklad na mezhdunarodnoy konferentsii v Konstitutsionnom sude Rossiyskoy Federatsii (SPb., 16 maya 2017 g.)) [The constitutional identity of Russia: doctrine and practice (report at an international conference in the Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, May 16, 2017))]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva*. 12. pp. 7–30.
14. Gadzhiev, G.A. (2017) O sudebnoy doktrine konstitutsionnoy identichnosti [On the judicial doctrine of constitutional identity]. *Sud'ya*. 12. pp. 31–34.
15. Podolyan, D.A. (2017) The formation of the doctrine of constitutional identity. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskii vestnik – North Caucasus Legal Vestnik*. 4. pp. 94–100. (In Russian). DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-4-94-100
16. Russian Federation. (2015) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 21-P of 14 July 2015 “On the verification of the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Its Protocols, Paragraphs One and Two of Article 32 of the Federal Law On International Treaties of the Russian Federation, Parts One and Four of Article 11, Paragraph Four of Part Four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Parts One and Four of Article 13, Paragraph Four of Part Three of Article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Parts One and Four of Article 15, Paragraph Four of Part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Paragraph

- Two of Part Four of Article 413 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in connection with the request of the State Duma deputies group". *Sobranie zakonodatel' stva RF*. 30. Art. 4658. (In Russian).
17. Russian Federation. (2017) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-P of 19 January 2017 "On resolving the issue of the possibility of enforcement, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, of a ruling of the European Court of Human Rights of July 31, 2014 in the case of OJSC Oil Company Yukos v. Russia in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel' stva RF*. 5. Art. 866. (In Russian).
 18. Constitutional Court of the Russian Federation. (2018) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 44-P of 6 December 2018 "On the verification of the constitutionality of the Law of the Republic of Ingushetia On Approval of the Agreement on the Establishment of a Border Between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic and the Agreement on the Establishment of a Border Between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic in connection with request of the Head of the Republic of Ingushetia"*. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 1104.2019). (In Russian).
 19. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 04.12.2014 [Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 04 December 2014]. 278.
 20. Ozhegov, S.I. (1984) *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57 000 slov* [Dictionary of the Russian language: approx. 57,000 words]. 15th ed. Moscow: Rus. yaz.
 21. Karpenko, K.V. (2016) [Constitutional identity as an extension of the subject of constitutional law]. *Razvitie rossiyskogo prava: novye konteksty i poiski resheniya problem. III Moskovskiy yuridicheskiy forum* [Development of Russian law: new contexts and the search for solutions to problems]. Proceedings of the 10th International Conference. In 4 parts. Pt. 1. Moscow: Prospekt. pp. 271–277. (In Russian).

Received: 14 June 2019